

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ В.М.ШУКШИНА

Особенности использования языковых единиц в решении художественных задач в прозе В.М.Шукшина проявляется на разных уровнях, в том числе и синтаксическом. В произведениях Шукшина преобладают простые структуры, что связано, прежде всего, со стремлением писателя приблизить художественный рассказ к устному повествованию и с тенденцией современного синтаксиса к расчленению текста.

Однако и сложные предложения, функционирующие в текстах произведений В.М.Шукшина, имеют свою специфику. Доклад посвящен характеристике структурно-семантических особенностей сложных предложений в прозе В.М.Шукшина.

Специфика функционирования сложных предложений в прозе Шукшина связана с особенностями их употребления в разных типах речи (авторская, прямая, несобственно-прямая) и частотностью использования определенных разновидностей сложных предложений.

Естественная сфера употребления сложных предложений — авторское повествование. В авторском повествовании сложные предложения передают не только ход движения событий, но и ход размышлений персонажа или рассказчика: *Ванька не заметил, как наладился тосковать. Стоял часами у окна, смотрел, как живет чужая его уму и сердцу улица. Странно живет: шумит, кричит, а никто друг друга не слышит. Все торопятся, но оттого, что сверху все люди одинаковы, кажется, что они никуда не убегают: какой-то загадочный бег на месте («Ванька Тепляшин»)*. Использование сложных предложений в данном тексте создает эффект сближения повествователя и персонажа: повествователь как бы включается в размышления литературного героя.

Употребление сложных предложений в авторском повествовании обусловлено особенностями их смысловой структуры, которая намного богаче, чем смысловая структура простого предложения, и может передавать объектно-изъяснительные, пояснительные, причинно-следственные, сопоставительно-противительные оттенки значений.

Сложные предложения в прямой речи персонажей рассказов Шукшина являются средством создания речевого портрета литературного героя. При этом прозаический диалог приближен к спонтанному диалогу: *Укрыли меня одеялами, два матраса навалили сверху, а поперек пузырек велели под мышку зажать — туда, мол, пот будет капать. Ить вот рассудок-то у людей: хворают, называется! Ить подумали бы: идет такая страшная война,*

их как механизаторов на броне пока держут: тут надо прижухнуться и помалкивать, — вроде тебя и на свете-то нету. Нет, они начинают выдумывать черте-чего. Думает он, лежит, что у него — жизнь предстоит, что надо ее как-то распланировать, подсчитать все наличные ресурсы, как говорится?.. («Беседа при ясной луне»). Бессоюзные сложные предложения в развернутой реплике персонажа способствуют созданию простоты, доходчивости и естественности изложения.

В несобственно-прямой речи наиболее ярко раскрываются экспрессивные возможности сложного предложения. Несобственно-прямая речь требует особой творческой активности читателя, заставляет его сильнее почувствовать душевное состояние героя: *Ванька раньше никогда на судах не бывал, но знал, что существуют государственные обвинители, общественные обвинители... Суд для него — это судья. Он никак не мог постичь, зачем надо этому человеку во что бы то ни стало посадить его, Ваньку, на три года в тюрьму? Судья молчит, а этот — в который уже раз встает и говорит, что надо посадить, и все. Ванька онемел от удивления* («Мой зять украл машину дров!»). Герои рассказа при помощи сложных предложений акцентирует важную часть своих размышлений. Он пытается убедить читателя в абсурдности действий общественного обвинителя. В данном случае сложные предложения — средство создания контакта с читателем.

Среди структурно-семантических разновидностей сложных предложений преобладает бессоюзный тип. В. Шукшин использует бессоюзные конструкции для имитации говорения в речи автора и в речи персонажей в связи с тем, что именно бессоюзные сложные предложения являются показателем разговорности как структуры, имеющей минимум формальных средств для выражения грамматического значения.

В авторском нейтральном повествовании бессоюзные сложные предложения используются как форма монологического изложения. Преобладают бессоюзные сложные предложения в пейзажных зарисовках: *Был конец апреля. С карнизов домов срывались крупные капли, теплый ветер сдувал их, они мягко шлепались в стекла окон, медленно стекали светлыми слезами* («Дождь на заре»). Бессоюзные конструкции придают прозаическому тексту легкость, гармоничность, размеренность.

Однако в авторской речи бессоюзные предложения могут создавать особую экспрессию: *...Моя кровать — в углу, его — напротив. Между ними — стол, на столе — рукопись, толстая и глупая. Моя рукопись. Роман* («Воскресная тоска»).

Эллиптичность, краткость, структурный параллелизм бессоюз-

ных конструкции создают динамизм и подчеркнутую ритмомелодику, ведущую к экспрессивному эффекту.

Таким образом, сложные предложения в текстах произведений В. М. Шукшина стилистически маркированы, экспрессивны, помогают максимально приблизить автора к персонажам рассказов и в конечном итоге — к читателю.

И. Б. Ходырева
Волгоград

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ **А. И. СОЛЖЕНИЦИНА**

Ономастическая лексика в языке художественного произведения обладает информационной насыщенностью и во многом определяет смысловую и эмоциональную заданность конкретного образа и текста в целом. Индивидуальность авторской системы именупотребления проявляется в особом для каждого случая выборе, расположении и смысловом наполнении ономастических единиц языка (О. И. Фоякова). Именования в современной реалистической художественной прозе — показатель тесного взаимодействия объективного (социального, культурно-исторического) и субъективного (эмоционально-экспрессивного) планов.

1. Ономастическое пространство художественных текстов А. Солженицина представлено различными разрядами имени собственного: антропонимами, топонимами, хремотонимами, хрононимами, космонами и др. Ядром ономастической лексики в прозе писателя являются антропонимы (55%) и топонимы (30%).

2. Антропонимия и топонимия художественных текстов представляют собой заимствование из реального антропонимикона и топонимикона русского языка XX столетия: *Матрена Васильевна Захарова* («Матренин двор»); *Иван Денисович Шухов* («Один день Ивана Денисовича»). Действуют ономастические словообразовательные модели реальных имен собственных.

3. В системе ономоупотребления А. Солженицина преобладают «косвенно характеризующие» (М. В. Карпенко) имена собственные. Актуализируется обширный комплекс смысловых связей, ассоциативных значений и коннотаций. Возрастает роль читательского восприятия: *Рубин* — «национальная принадлежность», «коммунистические убеждения», «блеск интеллекта»; *Сологдин* — «соло», «бунтарь-одиночка» («В круге первом»).

4. Наблюдается активное участие имени собственного во фразеомообразующих процессах. Особую группу онимов образуют индивидуально-авторские апеллятивные перифразы, используемые для